

— Да, — поклонился И Сэй и вышел из комнаты. Цзюцзю, узнав, что знакомая дворцовая дама участвовала в заговоре с отравлением, побледнела. — Ри Шуую, скорее всего, сотрудничала, не зная всего, — сказала ей Дзюсэцу. — Я не верю, что у нее так много желчи. Ее использовали, воспользовавшись шансом стать служительницей в качестве приманки. — Да... — Дзюдзюцу слабо кивнула. Дзюсэцу посмотрела на Кошуну. Тот смотрел в пустоту, словно о чем-то размышляя. Дзюсэцу вспомнила цвет эмоций, промелькнувших на его лице, когда он услышал, что дворцовую даму зовут Син-ши. Разве это не был цвет радости? Профиль Кошуна, обращенный к стене, был неподвижен, как чистая вода, и невозможно было разглядеть эмоции в глубине его глаз. Вскоре после этого были арестованы дворцовая дама из дворцового секретарского бюро Син-ши и евнух из Министерства внутренних дел Ко Гэн. В комнате Чжоу Эки был обнаружен пакет с ядовитым растением — травой разбитого сердца. Чоу Эки не знал, что это яд и что он предназначен для убийства императора. Возлюбленная Син-ши попросила его хранить яд и не дать его найти, и он спрятал его. Син-ши, чьи родители были продавцами лекарств, скрыла свое владение. Трава разбитого сердца также была ядом, использованным для убийства супруги Ша во время правления предыдущего императора. После того как вдовствующую императрицу посадили под домашний арест, Шин-ши перевели в секретариат дворца, на неспешную должность, когда к ней обратился Ко Гэн с заговором об убийстве, и она приняла в нем участие. Однако, даже если бы они хотели продолжить этот заговор, за ними следили шпионы, и они не могли сделать ни шагу, поэтому они решили использовать Ри Шуую, чтобы оставить траву сердечной боли на попечении Чоу Эки. Ко Гэн признался, что его подкупила вдовствующая императрица, чтобы подстроить это убийство. В это же время был схвачен евнух, который подставил и убил Хан-Учжо. Он также признал причастность вдовствующей императрицы. После торжественного разбирательства этих вопросов в Осеннем министерстве было принято решение казнить вдовствующую императрицу. Почувствовав чье-то присутствие, Дзюсэцу подняла голову. Дверь открылась, и в тот же миг оттуда вылетел Синсин. И Сэй легко поймал птицу, когда она летела к нему, и обхватил ее за шею. Сзади него вошел Кошун. Дзюсэцу сидела на кровати, окруженной тонкими шелковыми занавесками, и наблюдала. Когда Кошун подошел к занавескам, он приказал И Сэй: — Отпусти его. Кошун слегка приоткрыл занавески. Дзюсэцу уставилась на него. — Я не говорила, что ты можешь войти. — Тогда тебе следовало запереть двери. — ...Что это сегодня? У тебя здесь больше нет никаких дел. Не обращая внимания на резкий комментарий Дзюсетсу, Кошун оглядел комнату. Его взгляд остановился на горелке для благовоний, стоящей на шкафу. — Когда я впервые пришел сюда, мне показалось, что аромат благовоний в этой комнате слишком сильный, но неужели это для того, чтобы скрыть запах краски для волос? Дзюсетсу нахмурилась. Неужели он пришел сюда только для того, чтобы сказать это? — Уходи. Дзюсэцу подняла руку к пиону в своих волосах. — Подожди, — спокойно остановил ее Кошун. — Ты мне очень помогла, поэтому я решил, что должен тебя вознаградить и принес тебе это. — Вознаграждение? Мне не нужны деньги. Кошун, не спрашивая, прошел за занавески и встал перед Дзюсетсу. Дзюсэцу слегка отшатнулась, откинув тело назад. — Что это? Кошун засунул руку в нагрудный карман и бросил шелковый мешочек на колени Дзюсетсу. Подумав, она грубым движением открыла горлышко мешочка и увидела, что в нем лежат сушеные джуджубы. — ...Это довольно мизерная награда. Это было похоже на награду, которую дают ребенку. — У меня была идея раньше, и это было то, что у меня было под рукой. Я подготовлю официальную награду с сертификатом позже. — Мне не нужны раздутые подарки. Дзюсэцу откусила кусочек джуджуба. Чем больше она его надкусывала, тем сильнее ощущала во рту приятную сладость. Кошун сел на диван. Почему он сидит? подумала Дзюсэцу, слегка сдвинувшись в сторону. — ...Сегодня все закончилось, — пробормотал Кошун низким голосом. Как раз когда она собиралась спросить, о чем он говорит, она поняла. — Сегодня был день казни вдовствующей императрицы. Глаза Кошуна блуждали в пространстве. Он выглядел усталым. — Я давно хотел убить ее, — сказал Кошун, и слова его были похожи на грязь, счищаемую со стены. — Эта женщина убила мою мать и моего друга. Просто так, словно отщипывая крылья насекомым. — Друга...? — Она

слышала о его матери, но об этом слышала впервые.— Однако я решил, что убью ее не из ненависти. Я буду судить и казнить ее по справедливости, в соответствии с законом. Я не буду действовать трусливо или исподтишка. Потому что я отличаюсь от вдовствующей императрицы. — Поэтому, когда я подумал, что смогу получить доказательства, я был в восторге. Теперь я наконец-то смогу убить эту женщину. Кошун опустился на подушки позади него и вытянулся. Она хотела сказать ему, чтобы он не спал на чужой кровати без разрешения, но он закрыл глаза, выглядя измученным. Дзюсэцу было трудно протестовать.— Но ведь нет такого понятия, как праведно убить человека, не так ли? — слабо пробормотал он и слегка приоткрыл глаза. — Осталось только сожаление, что я не смог никого спасти. Я всегда утешал свое сердце желанием убить ее. Кошун повернулся лицом к Дзюсэцу.— Ты никогда никого не ненавидел. Как ты держал себя в руках? Дзюсэцу посмотрела вниз на Кошуну, а затем отвела взгляд.— Я не знаю. Когда-то я была пуста. И только предыдущий Ворон-консорт снова наполнил меня.— ...Это так. Кошун глубоко вздохнул.— Значит, теперь я пуст. Его голос был хриплым. Дзюсэцу ничего не ответила. Она с болью осознавала, почему этот человек пришел сюда сегодня ночью, но не могла придумать никаких слов утешения. Подумав что-то, Кошун уже собирался протянуть руку к Дзюсетсу, но остановился. Затем он вяло поднялся и расстегнул воротник, говоря при этом.— О евнухах, которые напали на тебя.— Что? О чем он говорит? Она задумалась, но потом вспомнила предыдущий случай, когда на нее напали по дороге в дом Сен'э.— Как и ожидалось, это было спровоцировано вдовствующей императрицей. Когда она узнала, что вы делаете что-то по моему приказу...— Как вдовствующая императрица могла знать об этом? Ваша охрана слишком слаба... Она собиралась сказать это, но закрыла рот. — Он сделал ее слабой. Намеренно. Он ослабил сеть и ждал, когда они попадутся в ловушку. — Благодаря этому мы смогли выбить остатки фракции вдовствующей императрицы по этой линии, но я сожалею, что подверг вас опасности. Я прошу прощения. В его тоне не было ни капли искреннего сожаления. Дзюсетсу молчала, ожидая продолжения. — Я поставил тебе охрану, — произнес Кошун, — поэтому думал, что ты будешь в безопасности. Мне жаль. Он словно извинялся, но выражение его лица не подтверждало этого.— Это уже не имеет значения, — бросила Дзюсетсу. Кошун моргнул и уставился на неё.— Что?— У тебя есть желание стать моим супругом?— Простите? Дзюсетсу нахмурилась.— О чем ты говоришь? В твоих словах нет никакой логики. Ты что, во сне?— Я сегодня был очень занят, не выспался. Но я не говорю во сне, когда заявляю, что хочу сделать тебя своей супругой.— Ты, должно быть, видишь сны. Я — Ворон-консорт...— Нет закона, запрещающего Консарту Ворона стать супругой императора.— Потому что это само собой разумеется, нет нужды закреплять это законом. Кошун явно знал об этом. Дзюсетсу раздражали его слова, которые были лишь пустой шуткой. Она не могла стать консортом, не могла уехать. Она не могла ни на что надеяться. — Она не могла ничего сделать, кроме как кричать и смеяться над абсурдностью его слов. Дзюсетсу лишь отводила взгляд.— Я сыта по горло этой чепухой. Убирайся отсюда! Она говорила холодно, но Кошун не двигался. Когда она уже собралась выгнать его, он протянул руку и коснулся её волос. Дзюсетсу напряглась.— ... Когда я увидел тебя у пруда, то подумал: “Так вот как выглядит богиня”, — Кошун опустил глаза, словно вспоминая ту сцену. — Твои серебряные волосы сияли в лунном свете, я никогда не видел ничего прекраснее... Его тихий, шепчущий голос звучал у неё над головой. Дзюсетсу растерялась, не зная, что ответить. Пока её взгляд блуждал по комнате, Кошун придвинулся ближе, ещё больше её взволновал.— Что... “Что ты делаешь?” — хотела закричать она, но тело Кошуна отклонилось в сторону и упало на подушки.— ... А? Посмотрев на него, она увидела, что его глаза закрыты, а грудь равномерно вздымается. Кошун крепко спал.— ... Эй. Дзюсетсу позвала его, но глаза Кошуна не открылись. Она слышала лишь его дыхание, ровное и спокойное. Дзюсетсу в панике пожалала плечами.— Эй, проснись. Это моя кровать, не спи здесь. Кошун не подавал никаких признаков пробуждения. Более того, он продолжал держать её за волосы. Даже когда она попыталась вырваться, он не отпускал. Наоборот, его хватка стала ещё сильнее.— И-и Сей! Эй Сей! Я знаю, что ты здесь. Этот человек уснул. Отведите его назад. Она чувствовала Эй Сей по ту сторону

занавесок.— Я не могу сделать что-то настолько непочтительное, как разбудить Даджию и отнести его обратно. Ты не поймешь, как он устал. Пожалуйста, хотя бы проявите сообразительность и дайте ему спокойно поспать здесь.— Это не шутка. Тогда где я должна спать?— Тебя устроит отдых на полу?Сказав это, И Сэй исчезла с другой стороны зеркала. Ей и раньше приходило в голову, но его отношение к ней было слишком тернистым.— Это...Дзюсетсу бросила взгляд на занавески, затем с горечью посмотрела на Кошуна. Несмотря на то, что это была чужая кровать, он спал глубоким сном. Он никак не хотел отпускать её волосы. Однако, независимо от того, спал он или проснулся, прогнать его будет проще простого. Дзюсетсу поднесла руку к пиону и сняла его с волос. Если бы она дунула на него один раз, Кошун оказался бы за дверями. Дзюсетсу смотрела на спящего Кошуна.— Как этот человек спит с таким спокойным лицом?Пион на её ладони превратился в светло-красное пламя. Дзюсетсу осторожно взяла его в руки и держала над головой Кошуна.— ... Только на эту ночь, — пробормотала Дзюсетсу. — Я подарю тебе хорошие сны.Лепестки цветка исчезли, коснувшись тела Кошуна. Что за сны он видел в ту ночь, Дзюсетсу не знала.

<http://tl.rulate.ru/book/80038/2973460>